

Н. И. Гуляева

Приветствия в форме вопроса в коми языке

УДК 811.511.132'367.322

В статье проанализированы вопросительные предложения, употребляемые в качестве приветствия в коми языке, выявлена и описана их специфика. Установлено, что особенностью вопросительных предложений данного вида является семантическая опустошенность и отсутствие дополнительных субъективно-модальных эмоционально-оценочных значений. Их основной функцией является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения.

Ключевые слова: коми язык, вопросительные предложения, семантика приветствия.

Natalja I. Gulyaeva. Greetings in the form of a question in the Komi language

The article analyzes the interrogative sentences that are used as a greeting in the Komi language, identified and described their specificity. The features of interrogative sentences of this kind are the semantic emptiness and the absence of the additional subjective-modal emotional estimates. Their main function is to initiate the response of the addressee to engage it in contact with a subsequent communication.

Keywords: Komi language, interrogative sentences, semantics of greeting.

Вопросительные предложения в коми языке часто употребляются либо вместе с приветствием, либо в качестве приветствия. К данной группе предложений относятся такие структуры, как «*Кыдзи оланныд?*», «*Кыдз делёясыд?*», «*Мый выльыс?*» и так далее. Подобные предложения можно встретить в других языках, например в русском языке: «*Как дела?*», «*Как живете?*», в английском – «*How*

are you?», в немецком – «*Wie geht es?»*», финском – «*Mitä kuuluu?»*», в удмуртском – «*Кыче-мар улӱськоды?»*», венгерском – «*Hogy van?»*», «*Hogy vagy?»*», мордовском – «*Кода тинь эрятада-ащетада?»*» (в мокшанском), «*Кода эрят-аштят?»*» (в эрзянском), марийском – «*Кыце ылыкалет?»*» (в горномарийском), «*Кузе иледа?»*» (в лугово-восточном марийском), в коми-пермяцком – «*Кыдз ни олат?»*». В качестве ответа обычно используют: в русском языке – «*Нормально*», «*Хорошо*», в английском – «*Very good*», «*Not so bad*», в немецком – «*Es geht mir gut*», в финском – «*Huvä*», в венгерском – «*Jól vagyök, köszönöm*» и т.д.

Как видно из примеров, нигде не требуется подробного ответа на поставленный вопрос, так как основной функцией конструкций данного вида является побуждение адресата к контакту, а не запрос информации.

Согласно Э. М. Медниковой, такие вопросительные предложения не несут никакой познавательной информации и нередко превращаются в формулы, клише, «представляют своего рода «сигнализирующие» высказывания, смысл которых заключается не в том, что говорится, а в том, что что-то вообще сказано<...> Целевая установка таких произведений речи полностью исчерпывается желанием или необходимостью продолжить, поддержать состояние контакта» [6, с. 57].

По мнению М.-Л. А. Руткаускайте-Драздаускене, обмен подобного рода фразами никогда не воспринимается как собственно информация, так как смысл, заключенный в таких высказываниях, настолько общий, что, по существу, никаких сведений они не содержат [11, 1].

Р. Ратмайр подчеркивает, что для формул приветствия достаточно высока степень обязательной реактивной реплики [10, с. 18].

Исследователь чувашского языка А. В. Кузнецов пишет, что классическая форма приветствия в тюркских, монгольских и других восточных традициях является диалогом, состоящим из ряда вопросов-ответов. Но с течением времени для быстрой реализации цели установления контакта многие вопросы, не относящиеся к адресату, начали пропускаться. В итоге сегодня большая часть диалогов-приветствий имеет фрагментарные формы, содержащие лишь во-

просы, относящиеся к адресату и членам его семьи или же только к адресату [4, с. 19]. Здесь же он указывает, что в тюркских языках преобладают вербальные средства этикетного общения тематической группы «Формулы приветствия» в форме вопросительного предложения, в то время как в индоевропейских языках употребляется в основном форма повелительного предложения, а в финно-угорских языках соотношение вопросительных и директивных формул речевого этикета одинаковое. К тому же обряд приветствия в тюркских и монгольских культурах представляет собой беседу из ряда вопросов-ответов [4, с. 37].

Непременным условием употребления вопросительных предложений в качестве приветствия в коми языке является равноправие адресанта и адресата по социальному положению.

Обычно семантика приветствия в таких предложениях возникает в результате ослабления основных значений: посредством вопросительного предложения коммуникант выражает свое намерение, а адресат заявляет о своей готовности к общению репликой-реакцией с минимальным содержанием информации, например:

– *Чолём, Марья, – шыасис кодкё. Вёлём Микол Анна. – Дыр нин эг волю, мися, видла кётъ. Кыдзи олан-вылан? – Ола тай кыдзкё... Лун да вой кольё* [2, с. 53]. «Здравствуй, Марья, – сказал кто-то. Оказалась Микол Анна. – Долго уже не приходила, дай, думаю, навещу. Как поживаешь? – Живу как-то. День и ночь проходят».

– *Но, кыдзи, Толя, олёмыс мунё? – Мунё тай* [8, с. 57]. «Ну, Толя, как жизнь идет? – Идет вот».

– *Но, кутшёма нин овсьё? Эз на гажтём босьт ёткёнавнытё?*

– *Кор кыдзи. Луныс уджалігад сідз кольё-а* [14, с. 22]. «Ну, как живется? Тоска не берет от одиночества? – Когда как. Когда работаешь, день как-то проходит».

– *Кутшёма олан, Павел?*

– *Лун-войыс тай, майбыр, прёйдитё-а...*[5, с. 91]. «Как живешь, Павел? – День-ночь, слава Богу, проходят...».

На минимизацию значений основной функции вопросительных конструкций в предложениях данного вида указывает отсутствие в отдельных случаях ответа на обращение, например:

– Данилович! Мый вöчан? – Ваньö Дядь нöшта коялис чужöмсö Печора ванас, петис пыжысь да дөрöм соснас чужöмсö, кымöссö косöдиг лашкис кыр йылö. – Иван Данилович! – шыасис Андриян художник – Гадайтим, гадайтим Юрийкöд – некыдз ог кужö шуны: мый тиян вочсьö? Петим ыркöдчыны – гөгөр руалö. Видзöдам: но! Тэнад сосед йöрын мотор жургö, со но водзын – Öкульяс сайын – бара мотор уджалö. Висьтав төлкөн: мый тайö лоö?..– Телевизор видзöдöны, – гажтöма вочавидзис Ваньö дадь [12, с. 200]. «Данилович! Что делаешь? – дядя Ваня еще оплескал лицо водой из Печоры, вышел из лодки и, вытирая лицо, лоб рукавом рубашки, поднялся на берег. – Иван Данилович! – заговорил художник Андриян. – Гадали, гадали с Юрием – никак не можем понять, что у вас делается? Вышли проветриться – везде туман. Смотрим: В твоём соседнем огороде мотор работает, вот впереди– за Окулем – тоже мотор работает. Объясни толком: что это такое?– Телевизор смотрят, – грустно ответил дядя Ваня».

Семантическую опустошенность вопросительных предложений с семантикой приветствия подтверждают и следующие примеры:

Аньлысь мөвпьяссö торкис Алиналөн гөлöсыс:

– Мамöй, менам кынöмöй сьумалö.

– Дитюк, садьмин? Но лок сёйышт [3, с. 45]. «Мысли женщины перебил голос Алины: – Мама, я есть хочу. – Деточка, проснулась? Ну, иди, поешь».

Посводзянь сы вылö видзöдис Галина Петровна. Быттö инмöма сьлөн неважёнся сёрни визьыс, кевмöма лои, да со кылöма.

– Галя! Бөр локтін? – эз сяммы дзэбны нимкодълунсö Вась Микулай [9, с. 53]. «Из сеней на него смотрела Галина Петровна. Исполнилось его желание, попросил, и вот услышала. – Галя! Вернулась? – не смог скрыть радость Вась Микулай».

Как видно из примеров, в предложениях данного вида констатируется информация, получаемая коммуникантом из ситуации, а именно вопросы задаются при полной очевидности ответа.

В определенных ситуациях вопросительное предложение с семантикой приветствия оказывается способным выполнять первичную функцию вопросительных конструкций, при этом происходит слияние вопросительного и контактного значений. Проявление соб-

ственно вопросительной семантики в предложениях данного под-типа происходит тогда, когда установление контакта является для коммуниканта условием получения необходимых ему сведений, обычно связанных с его желанием узнать о состоянии дел адресата, о его здоровье, жизни и т.д., например:

Асывсяньыс Марья баб град йӧрас бергаліс, ёг весаліс, сэсса парникын ноксышитіс да ваяліс ва, мед шонді водзас дэбалыштас. Тадзи кӧ пӧжны кутас, рытнас мед киськӧдчыштны.

– *Мый нин вӧчан?* – *миртуй вывсянь чукӧстіс Микол Анна, Марья баблӧн суседкаыс.*

– *Капуста му весышиті да мый да...* *Зэв тай омӧлик таво капустаыс, ог и тӧд, мыйкӧ воыштас оз* [2, с. 49]. «С утра бабушка Марья возилась в огороде, убирала сорняки, потом повозилась в теплице и натаскала воды, чтобы нагрелась на солнце. Если будет такая жара, чтобы вечером полить немного. – Что делаешь-то? – с центральной улицы окликнула Микол Анна, соседка бабушки Марьи. – Прополола капустную грядку и еще кое-что... Очень плохая в этом году капуста, не знаю, будет ли урожай».

– *Велӧдчан, Гриша?* – *юалі ме сӧрни панӧм могысь.*

– *Да. Десятӧйӧ таво муна* [13, с. 107]. «Учишься, Гриша? – спросил я, чтобы начать разговор. – Да. В десятый в этом году пойду».

– *Надя, менӧ помнитан?* – *юаліс зон, медым кыдзкӧ панны сӧрнисӧ.*

– *А-а,– вомсӧ восьтышитліс ныв, здук мысти содтіс.* – *Кыдзи не помнитны ас сиктсаясӧс* [7, с. 110]. «Надя, ты меня помнишь? – спросил парень, чтобы как-то начать разговор. – А-а, – чуть приоткрыла рот девушка и тотчас добавила.– Как не помнить односельчан».

Как отмечено выше, данная группа предложений употребляется для усиления доброжелательности: традиционно коммуникант стремится узнать о состоянии дел, здоровья и жизни адресата. Отметим, что при более непринужденном общении интересуются работой и семейными делами, например: «*Мый выльыс?*» «Что нового?», «*Мый вӧчан?*» «Что делаешь?», «*Кыдз мамыд?*» «Как мама?», «*Кыдз челядьыд?*» «Как дети?» и другие.

Таким образом, особенностью вопросительных предложений с семантикой приветствия является их семантическая опустошенность и отсутствие дополнительных субъективно-модальных эмоционально-оценочных значений. Основной функцией вопросительных предложений данного вида является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения, какая-либо информация коммуниканта не интересует.

Широкое функционирование в речи вопросительных предложений в ситуации установления и поддержания контакта обусловлено их способностью к реализации как первичной функции вопросительных конструкций, так и собственно фатической.

Отметим, что на проявление контактной семантики оказывают влияние определенные традиции употребления в качестве приветствия вопросительных предложений, а также конкретные условия установления контакта.

1. Драздаускене М.-Л. Лексические особенности речи в контакто-устанавливающей функции // Вестник Московского университета. Филология. 1974. № 5. С. 56–64.

2. Ильина А. Марья баблӧн шуд. Висьт // Войвыв кодзув. 2008. № 9. 49–55 л.б.

3. Ильина А. Муслун арлыд // Войвыв кодзув. 2009. № 12. 42–58 л.б.

4. Кузнецов А. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья : монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008.

5. Льюров А. А. Водзын любовь // Коми писательяслӧн рассказяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. 98–127 л.б.

6. Медникова Э. М. Целевая направленность речи и семантика языка // Вестник Московского университета. Филология. 1970. № 1. С. 52–60.

7. Напалков В. Е. Томъяс: Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988.

8. Попов А. В. Мыйла и волісны // Войвыв кодзув. 2001. № 6. С. 49–57.

9. Попов А. В. Баба гождӧм // Войвыв кодзув. 2010. № 8. 30–59 л.б.

10. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С.15–22.

11. Раутскайте-Драздаускене М.-Л. А. Можно ли объективно выделить речь в контактоустанавливающей функции? // Вестник Московского университета. Филология. 1969. № 6. С. 80–85.

12. Шахов П.Ф. Мыйла олам. Очерк, повестьяс, пьеса, висьтъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.

13. Юшков Г. А. Ловъя лов. Повестьяс да висьтъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.

14. Юшков Г. А. Рөдвуж пас. Роман. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988.